

A.S. Пунда (Москва, Россия)

Мотивы и образы средневековых рыцарских романов в «Квентине Дорварде» У. Скотта

Аннотация: Роман У. Скотта «Квентин Дорвард» особенно интересен с точки зрения жанровой проблематики, так как выявляет очевидную полемику между двумя литературными традициями. Мотивный и образный ряд, рассматриваемый в данной статье, позволяет понять, что Скотт наследует традиции средневекового рыцарского романа не только в произведениях о Средневековье, посвященных шотландской истории, но и в произведениях, действие которых происходит в позднейшие времена, приближаясь к скоттовской современности. Так, писатель использует центральные для средневековых рыцарских романов мотив испытания на тождественность самому себе и мотив инициации, «выхода в мир», мотив нежеланного брака и опрометчивого обещания, образ «девицы в беде», многочисленные аллюзии на литературу о рыцарях, при этом обогащает их психологически и исторически правдоподобным для скоттовского современника содержанием, и, таким образом выстраивая дистанцию между жанрами и эпохами, позволяет читателю ощутить расстояние между прошлым и настоящим.

Ключевые слова: У. Скотт, рыцарский роман, роман Нового времени, «Квентин Дорвард», мотивы рыцарского романа, жанровая полемика

A.S. Punda (Moscow, Russia)

The Motives and Images of the Medieval Romance in W. Scott's "Quentin Durward"

Abstract: W. Scott's novel "Quentin Durward" is particularly interesting in view of genre issues, as it demonstrates the vivid polemic between two literary traditions. The motives and images considered in the article make it clear that Scott inherits the tradition of the medieval romance not only in his works devoted to Scottish medieval history, but also in the ones that deal with the later epochs, approaching Scott's own time. The writer uses the central motives of the medieval romance: the identity test and the motive of initiation, the motive of an unwanted marriage and a rash promise, the image of a "damsel in distress", makes numerous allusions to the literature about knights, enriching them with the content psychologically and historically plausible for Scott's contemporaries. Thus Scott builds a distance between genres and epochs and makes the reader feel the gap between the past and the present.

Key words: W. Scott, romance, novel, Quentin Durward, motives of romance, genre polemic

«Квентин Дорвард» (Quentin Durward, 1823) – один из самых увлекательных романов У. Скотта, в котором писатель изображает конфликт между рыцарским укладом и зарождающимся обществом Нового времени. Для этого он использует мотивы и образы средневековых рыцарских романов, трансформируя их и наполняя новым содержанием, часто комическим – в зависимости от художественной задачи.

Центральный в средневековых рыцарских романах мотив испытания на тождественность самому себе – испытание на верность рыцарскому кодексу и на верность любви – получает в одноименном романе Скотта интересную интерпретацию. Личность Квентина известна с самого начала романа, поэтому ему, подобно другим рыцарям, изображенным писателем, например рыцарю Кеннету из «Талисмана» (The Talisman, 1825), не нужно скрывать свое положение. Перед читателем предстает молодой человек, мечтатель, своеобразный шотландский Дон Кихот, мировоззрение которого сформировано прочитанными в детстве и юности рыцарскими романами. Он остается сиротой и решает найти свое призвание. Так, Квентин в начале романа не обременен вассальным долгом, что является нетипичным для средневекового жанра. Перед юношей стоит выбор, к кому поступить на службу, но в итоге стечение обстоятельств вынуждает его согласиться стать стрелком французского короля Людовика XI. Выполняя поручение короля, Квентин, верный рыцарскому кодексу чести, защищает графиню от разбойников и самовольно меняет маршрут. Благополучно доставив леди Изабеллу и ее родственницу в Шонвальдский замок, герой формально выполняет приказ сюзерена и не нарушает вассальный долг, однако, сам того не зная, разрушает планы Людовика XI, не посвятившего юношу в свой замысел и устроившего ему и его спутникам западню ради осуществления своих честолюбивых намерений.

В романе также присутствует мотив инициации, который связан не с выбором национальной идентичности героя, как в романах Скотта о Средневековье, но с переходом от чувствительности к рациональности как основной мотивации действий персонажа¹.

Главный герой в начале произведения расстается с юностью и только начинает жизненный путь, не имея опыта, но при этом обладая смелостью, прямоотой, жизнерадостностью и ясным взглядом. После разговора с Людовиком Лесли, рассказавшим о службе королевского стрелка и указавшим на ее расхождение с рыцарской доблестью, Квентин не теряет полностью идеализированного взгляда на мир, однако понимает, что последний устроен не так, как он себе представлял: «Читатель, вероятно, думает, что, как только Дорвард остался один, он поспешил в свою башенку, в надежде еще раз насладиться звуками волшебной музыки, навеявшей на него поутру такие сладкие грезы. Но то была глава из поэмы, тогда как свидание с дядей открыло ему страницу действительной жизни, а жизнь подчас куда как не сладка! Размышления, вызванные разговором с дядей, так захватили юношу, что вытеснили из его головы все другие мысли, не говоря уж о нежных мечтах»². Примечательно, что Скотт в оригинальном тексте использует два ключевых слова для определения жанровой принадлежности произведений – «роман»

¹ Cusac M. Narrative Structure in the Novels of Sir Walter Scott. The Hague: Mouton and Co, 1969. P. 81.

² Скотт В. Квентин Дорвард (пер. с англ. М. Шишмаревой) // Скотт В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Правда, 1990.

(romance) и «история» (history). Писатель дает понять, что мировоззрение героя, основанное на вымысле, который преобладает в средневековых рыцарских романах, где путешествующие рыцари демонстрируют небывалые примеры мужества и чести, не выдерживает испытания реальностью. В жизнь Квентина вторгается история с ее подчас грубым прагматизмом и практицизмом, а сам герой становится промежуточным звеном между рыцарями без страха и упрека Средневековья и представителями эпохи Нового времени.

Контраст культур, показанный в произведениях Скотта о Средневековье: в цикле романов «Рассказах крестоносцев» (Tales of the Crusaders, 1825) на примере Шотландии и Англии в «Талисмане», нормандцев и валлийцев – в «Обрученной» (The Betrothed, 1825), – присутствует и в «Квентине Дорварде». Юноша покидает родную землю и отправляется в путешествие. Однако перед ним не ставится выбор между своим и чужим, писатель сталкивает героя с двумя одинаково незнакомыми ему культурами, представленными в романе образами двух диаметрально противоположных персонажей – королем Франции Людовиком XI и герцогом Бургундским. Само название главы – «Контраст» (The Contrast), где характеризуются два правителя, подсказывает ее содержание.

Еще одним важным сюжетообразующим мотивом становится мотив узнавания-неузнавания. На страницах «Квентина Дорварда» Людовик XI впервые появляется в образе купца дядюшки Пьера, а герцогиня Изабелла де Круа играет роль служанки. Подобный маскарад сбивает рыцаря с толку, однако встреча с королем и девушкой в стенах гостиницы оказывает огромное влияние на судьбу юноши. Квентин, узнав, кто скрывается под маской дядюшки Пьера, приходит в сильное волнение, потому что открытие, сделанной в действительности, оказывается более удивительным, чем он мог представить. Кроме того, и Гийом де ла Марк меняет одежды во время осады Льежа: Арденнский Вепрь украшает щит и шлем гербом рыцаря Дюнуа, что дает преимущество Квентину Дорварду, заранее знавшему об этой уловке, – возможность заполучить руку Изабеллы де Круа. Хайрадин Мограбин тоже надевает маску: он облачается в платье герольда, но, не сумев выполнить испытание – расшифровать изображение на гербе, приговаривается к смертной казни. Переодевание цыгана оказывает непосредственное воздействие на судьбу главного героя. Перед смертью Хайрадин открывает Квентину Дорварду правду о неожиданной вылазке де ла Марка, и рыцарь встает перед выбором, кому рассказать об этом – Людовику XI или герцогу Бургундскому. Таким образом, все персонажи, принимая другой облик, так или иначе влияют на судьбу главного героя и способствуют развитию любовной интриги романа.

В «Квентине Дорварде» фигурирует и мотив нежеланного брака, используемый Скоттом также при создании «Айвенго» (Ivanhoe, 1819) и «Рассказов крестоносцев». Примечательно, что в данном романе этот мотив в наибольшей степени способствует развитию основной линии повествования. Нежелание выйти замуж за графа Кампо-Бассо вопреки планам герцога Бургундского заставляет Изабеллу де Круа бежать и искать защиты у французского короля. Поступок девушки обостряет конфликт между двумя правителями и поднимает политическую тему в романе. Когда герцог Бургундский меняет свое решение и предлагает графине другого претендента – герцога Орлеанского, Изабелла также сообщает о своем отказе, поскольку, обладая титулом, считает, что вправе сама выбрать себе супруга, к тому же девушка уже испытывает симпатию к Квентину. В данной ситуации Скотт играет с мотивом нежеланного брака, используя его в различных вариаци-

ях. Людовик XI так же не поддерживает союз герцога Орлеанского и леди Изабеллы, так как это может помешать его планам относительно замужества своей дочери. Король в течение долгого времени планирует брак герцога Орлеанского и наследницы Жанны для укрепления династии на престоле, но они, в свою очередь, не желают этого союза.

Скотт вводит в повествование детали, отсылающие к средневековой литературе, чтобы создать противоположный эффект – показать дистанцию между историческим романом и романом рыцарским. Как правило, они приобретают комические черты. Несмотря на то что глава тайного сыска при Людовике XI в «Квентине Дорварде» – Тристан Отшельник – является историческим лицом, есть некая ирония в том, что королевский прево, не гнушающийся никакими средствами ради достижения цели, носит имя самого знаменитого влюбленного рыцарских романов. Кроме того, в произведении причудливым образом повторяется ситуация из романов о Тристане и Изольде. Чтобы получить руку леди Изабеллы, Квентин должен одолеть Арденнского Вепря, но он, как истинный рыцарь, останавливает поединок, чтобы помочь Гертруде Павийон – девушке, оказавшейся в беде и просившей о помощи. Таким образом, формально победителем оказывается его дядя, Людовик Лесли, который в свою очередь отдает победу племяннику, сражавшемуся дольше него и представляющему собой более достойного мужа для леди Изабеллы.

В средневековых рыцарских романах имеется множество примеров, когда рыцарь одолевает противника в честном поединке, а затем в качестве награды получает руку возлюбленной; например, рыцарь Парцифаль из романа Вольфрама фон Эшенбаха (*Parzival*, 1200–10) выступает на защиту королевы Зазаманки Белакан, побеждает врагов мавров и становится королем их земель. Скотт реализует данный мотив в «Обрученной», где войско под предводительством Хьюго де Лэси разбивает отряд валлийцев, а командир обручается с Эвелиной Беренжер. В течение повествования «Квентина Дорварда» писатель напоминает об этом мотиве читателю и подсказывает, каким будет финал. Леди Амелина, которая особенно ценит преклонение рыцаря перед женщиной, несколько раз рассказывает Изабелле историю о том, как ее прабабушка была завоевана на знаменитом Страсбургском турнире рейнграфом Готфридом. Граф Кревкёр, осмеивающий честолюбивые помыслы Квентина, в финале произведения признает, что на этот раз рыцарский кодекс взял верх над практическим подходом: «Клянусь мессой! У меня слишком много оснований подозревать, что на этот раз ваша светлость найдет ее гораздо более покорной воле своего сюзерена! Впрочем, разве мы вправе сердиться на этого юношу за его удачу? Мы не должны забывать, что его ум, верность и мужество завоевали ему богатство, знатность и красоту!» Автор награждает героя, но в то же время ставит под сомнение абсолютность и безусловность рыцарского поведения. Леди Изабелла, например, отмечает, что брак между рейнграфом Готфридом и ее бабушкой, по всем правилам завоеванной на турнире, оказывается несчастливый. Муж, отличающийся вспыльчивым нравом, часто бранил жену и поднимал на нее руку, т. е., как показывает автор, проявленное на турнире искусство не является залогом счастливого союза. Леди Амелина, увлеченная рыцарством, не осуждает поведения Готфрида и скорее соглашается терпеть насилие, чем быть «подругой труса»: «Ну так что же? Почему могучая рука, привыкшая наносить удары на поле брани, должна всегда быть сдержанной у себя дома? Я бы в тысячу раз охотнее согласилась, чтобы меня хоть по два раза в день колотил до-

блестный супруг, который был бы для всех такой же грозой, как и для меня, чем быть подругой труса, не смеющего поднять руку ни на жену, ни на кого-нибудь другого!»¹ В данном эпизоде леди Изабелла в своих суждениях руководствуется современной для современников писателя моралью, а ее тетушка, стремясь оправдать рыцарское звание, мыслит противоположным образом.

Противопоставление настоящего и прошлого реализуется в романе также при помощи ряда аллюзий на рассказы о рыцарях. Оказавшись на службе у Людовика XI, Квентин попадает в зал Роланда, где висят гобелены, изображавшие рыцарей времен Карла Великого, сыгравшего, как отмечает автор, огромную роль в «романтической» (romantic) истории Франции. Упоминание Роланда отсылает в первую очередь не к событиям французской истории, а к «Песни о Роланде», где последний предстает образцовым рыцарем. Однако, вводя подобную деталь, Скотт стремится показать, что эпоха рыцарства закончилась, поэтому «холодные, сумрачные портреты» в Роландовой галерее напоминают призраков: «Таким образом они добрались до широкой и длинной галереи, которая по своим размерам могла бы быть названа залом. Стены ее были сплошь увешаны коврами, замечательными скорее своей древностью, чем красотой; на них висело несколько холодных, сумрачных, похожих на призраки портретов того стиля, который предшествовал блестящей эпохе возрождения искусств»². Гутри, один из стрелков королевской гвардии, сравнивает графиню, поразившую его своим пением и игрой на лютне, с Мелузиной, волшебницей из романов и средневековых сказок. Герцог Орлеанский, побежденный Квентином при попытке украсть леди Изабеллу, как принц крови, не может допустить, чтобы его оружие досталось противнику, и бросает меч в озеро. Данный эпизод вызывает прямые ассоциации с легендами артуровского цикла, заставляет вспомнить волшебный меч Экскалибур. В угрозах Хайрадина леди Амелине, отказывающейся следовать за ним, также слышатся отголоски рыцарских романов. Цыган обещает раздеть женщину донага, привязать ее к дереву и предоставить собственной участи, если она пойдет против его воли. Подобные ситуации, когда девушка преследуется злодеем, страдает и подвергается жестоким испытаниям, типичны для средневекового жанра. Дж. Митчелл приводит в пример среднеанглийский роман «Флоренция Римская» (*The Bone of Florence of Rome*), где главная героиня проходит через похожие испытания³. А боевой клич «Дени Монжуа», используемый французами, часто встречается в средневековых романах, например в «Маленьком Жане де Сентре» (*Le Petit Jehan de Saintré*, 1456).

Квентин в течение повествования не просто ориентируется на литературу о рыцарях, но и непосредственно читает ее. Упомянутый в повествовании роман «Оруженосец низкого звания» (*The Squyr of Lowe Degre*, ок. 1475), с которым герой знакомится сразу после прибытия в Шонвальдский замок, оказывает огромное влияние на Квентина: обедневший дворянин, потерявший свои земли, добивается расположения венгерской принцессы, которая соглашается стать его женой. Рыцарь из произведения Скотта видит полное соответствие между своей судьбой и судьбой оруженосца, поэтому не сомневается в правдивости полученной записки. Автор пишет, что роман представляет собой издание, отпечатанное в Страсбурге, однако, как отмечает Дж. Митчелл, это вымышленная деталь. Пер-

¹ *Scott B.* Квентин Дорвард (пер. с англ. М. Шишмаревой). Гл. XVI.

² Там же.

³ *Mitchell J. Scott, Chaucer, and Medieval Romance: A Study in Sir Walter Scott's Indebtedness to the Literature of the Middle Ages.* Kentucky: Kentucky UP, 1987. P. 164.

вые напечатанные Винкеном де Ворде (1520) и Уильямом Копландом (1560) издания среднеанглийского романа появились в Лондоне в XVI в., т. е. в то время, когда разворачивается действие в «Талисмане» (1480), их еще не существовало¹. Подобный анахронизм не влияет на достоверность произведения, так как Скотт в предисловиях к историческим романам признается, что часто прибегает к вымыслу. Важнее оказывается параллель, проведенная между двумя историями. Как и обедневший оруженосец, Квентин доказывает, что он достоин руки Изабеллы де Круа, а их брак устраивается с помощью короля и герцога Бургундского. Последний в порыве гнева обещает отдать в жены леди Изабеллу тому, кто принесет ему голову Гийома де ла Марка. Так проявляется мотив опрометчивого обещания, характерный для средневековых рыцарских романов, а в данном контексте напоминает сказочный сюжет, где король готов отдать непослушную дочь замуж за «первого встречного». Несмотря на то что герцог Бургундский позже раскаивается в своем необдуманном решении, он, следуя рыцарскому кодексу, не имеет права не сдерживать слова.

Квентина Дорварда писатель наделяет решительным характером, подобно средневековым рыцарям: он принимает участие во всех событиях, происходящих в романе, либо подчиняясь приказам короля, либо руководствуясь своей волей. «В рыцарском романе герои индивидуальны и одновременно являются представителям определенной группы», т. е., по замечанию М.М. Бахтина, они не похожи ни внешностью, ни судьбой, и их легко отличить друг от друга, но в то же время очевидна их принадлежность к своему сословию. Однако можно выделить характерную черту, сближающую героев Скотта и рыцарей из средневековых романов. Последние будто бы наделяются бессмертием и благодаря своей чудесной природе всегда становятся победителями в поединках. Рыцари в рассматриваемых романах Скотта, несмотря на многочисленные смертельные угрозы, создаваемые врагами или возникающие в связи с желанием героя защитить свою честь, также остаются в живых. По меткому замечанию А. Велша, «герои Скотта не умирают, потому что они никого не убивают»². В средневековых романах рыцарь может убить противника в поединке и при этом не только не запятнать свою честь, но и получить награду за победу в рыцарском турнире. Герои в произведениях Скотта получают другую награду: они увенчиваются лаврами не за победу и не за проявленное в поединке искусство, а за готовность умереть в любой момент в надежде обрести бессмертие. По этой же причине они избегают смертоубийства, а автор умело их от этого удерживает. Квентин Дорвард на протяжении всего повествования только один раз участвует в бою, где ему предоставляется случай убить соперника – Гийома де ла Марка, однако писатель отправляет его на помощь «девице в беде». Расправляется с Арденнским Вепрем вместо него Людовик Лесли, который, следуя правилу Скотта, не получает невесту.

Таким образом, мотивы и образы средневековых рыцарских романов, использованные Скоттом в романе «Квентин Дорвард», создают ироническую дистанцию между прошлым и настоящим, между феодальным строем и укладом общества Нового времени. В то же время в финале произведения писатель награждает героя, утверждая победу рыцарства (разумеется, намекая проницательному читателю, что подобное возможно только в вымышленной реальности художествен-

¹ Mitchell J. Scott, Chaucer, and Medieval Romance: A Study in Sir Walter Scott's Indebtedness to the Literature of the Middle Ages. P. 161.

² Welsh A. The Hero of the Waverley Novels. New Haven: Yale UP, 1963. P. 223.

ного произведения), и подчеркивает важность рыцарского романа как жанра, считающегося предшественником или даже прародителем романа Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 506 с.

Скотт В. Квентин Дорвард (пер. с англ. М. Шишмаревой) // Скотт В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Правда, 1990. 480 с.

Cusac M. Narrative Structure in the Novels of Sir Walter Scott. The Hague: Mouton and Co, 1969. 128 p.

Mitchell J. Scott, Chaucer, and Medieval Romance: A Study in Sir Walter Scott's Indebtedness to the Literature of the Middle Ages. Kentucky: Kentucky UP, 1987. 288 p.

Welsh A. The Hero of the Waverley Novels. New Haven: Yale UP, 1963. 296 p.

REFERENCES

Bakhtin M.M. (1975) Questions of Literature and Aesthetics. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 506 p.

Scott W. Quentin Durward (transl. from English by M. Shishmareva). In: Scott W. Collected Works: In 8 vols. Vol. 8. Moscow. Pravda Publ. 1990. 480 p.

Cusac M. (1969) Narrative Structure in the Novels of Sir Walter Scott. The Hague. Mouton and Co. 128 p.

Mitchell J. (1987) Scott, Chaucer, and Medieval Romance: A Study in Sir Walter Scott's Indebtedness to the Literature of the Middle Ages. Kentucky. Kentucky University Press. 288 p.

Welsh A. (1963) The Hero of the Waverley Novels. New Haven. Yale University Press. 296 p.

Сведения об авторе:

Александра Сергеевна Пунда,
аспирантка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexandra S. Punda,
Postgraduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
Shuro4ka-97@mail.ru